

АСЯ КЕФЭ

ДОМ
ИЗ
ТЮЛЯ

18+

Ася Кефэ
Дом из тюля

«Автор»

2026

Кефэ А.

Дом из тюля / А. Кефэ — «Автор», 2026

Илья привык думать, что про секс знает всё. Он помогает клиентам справляться со стыдом, верит в право на любые фантазии и главное — в жёсткие границы между кабинетом психотерапевта и постелью. Его задача, помогать парам «разжечь интерес друг к другу». «Дом из тюля» — эротический роман о фантазиях и границах, о том, что происходит, когда терапевт перестаёт быть наблюдателем и сам оказывается внутри чужого сценария. Роман затрагивает психологические аспекты сексуальности, что отзовется читателям, которые ценят эротическую литературу с сюжетом и смыслом.

© Кефэ А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ася Кефэ

Дом из тюля

Все персонажи и события этого произведения являются вымышленными. Любые совпадения имён, обстоятельств и деталей с реальными людьми, живыми или умершими, а также с реальными ситуациями, являются случайными и неумышленными.

Пролог

Иногда меня спрашивают, зачем люди приходят к психотерапевту решать интимные проблемы. Неужели нельзя просто «разобраться между собой», поговорить, посмотреть порно, почитать статьи — и как-то наладить свою сексуальную жизнь?

Я слышу такие вопросы и каждый раз думаю: люди всерьёз верят, что желание подчиняется здравому смыслу? И что если очень захотеть быть «нормальным», вождение должно взять под козырёк и встать в строй?

Мне сорок, я руковожу кафедрой и десять лет занимаюсь тем, что вежливо называют «консультированием в области интимной жизни». По-простому — я слушаю чужие желания: те, о которых обычно не говорят даже близким; те, на которые молятся в темноте и которых стыдятся при дневном свете.

Большинство моих клиентов — вполне «нормальные» люди: брак, дети, ипотеки, корпоративы. Они водят детей в школы, делают отчёты, выбирают сорта кофе. И почти каждый из них хотя бы раз в жизни представлял себе что-то такое, что не рискнул бы повторить вслух даже самому терпимому партнёру.

Я привык к тому, что в стенах моего кабинета люди признаются в том, что называют извращением. По сути, это почти всегда одно и то же: боль, которая научилась говорить языком фантазий, и одиночество, загнанное в привычку. Один испытывает возбуждение только от унижения. Другой живёт в браке без прикосновений и раз в месяц платит за гостиничный номер — не за секс, а за ощущение, что его вообще замечают.

Для статистики всё это — кейсы.

Для студентов — учебные примеры.

Для меня — обычная рабочая неделя.

Я читаю лекции о том, как формируется сексуальность, как работает стыд, почему запреты так легко превращаются в сценарии. Я объясняю на примерах, что фантазия — это ещё не действие, что мысль о преступлении не делает человека преступником, а желание не всегда требует воплощения.

Я говорю это с профессиональной уверенностью. И всё равно каждый раз, когда кто-то садится напротив, тихо вздыхает и делает эту первую паузу перед признанием — ту самую, в которой решают, говорить дальше или сбежать, — внутри у меня что-то замирает. Потому что я знаю: граница между «нормой» и «извращением» проходит не там, где её рисуют учебники. И не там, где её определяет религия. Она где-то в более зыбком месте — между тем, что мы готовы признать в себе, и тем, что изо всех сил пытаемся изгнать.

Я много лет жил с убеждением, что стою по эту сторону. Что моя работа — наблюдать, понимать, называть вещи своими именами и при этом оставаться неподвластным этим мыслям. Как врач, который смотрит на кровь и не падает в обморок.

Но есть одна вещь, о которой редко говорят вслух: тот, кто каждый день смотрит в чужие бездны, сам рано или поздно начинает различать очертания собственной. Иногда — слишком поздно.

То, что расскажу, — это не учебник и не сборник случаев. Это, скорее, мои личные заметки о людях, которые считали себя нормальными, пока их желания не начали вести себя как огонь в ветреную ночь. И — да, о том, как однажды я перестал быть только наблюдателем.

Глава 1

Я сижу в своём кабинете, ставлю дату в блокноте и пишу: «Кейс Марго. Сессия 2».
Обычный день.

Очередная женщина, у которой муж не спит с ней, но делает вид, что это нормально. Он изо дня в день внушает ей, что брак не обязан равняться сексу. Ещё один ритуал, ещё одно имя, изобретённое для того, чтобы выдержать собственное отражение в зеркале. Иногда мне кажется, что истории меняются меньше, чем имена.

— Меня зовут Марго. Вернее, так я называю себя сама. В паспорте по-прежнему Маша, Мария, как угодно.

— Расскажите, как вы стали Марго?

— Однажды утром мне показалось, что «Маша» — имя слишком тесное, как старое платье: приличное, удобное, но без права на жизнь. Я стала «примерять» новые имена. Перебирала их, как одежду: вставала перед зеркалом и вслух говорила: «Здравствуйте, я...» Но всё было не то. И вдруг — как вспышка: «Марго». Оно звучало иначе — чуть резче, чуть громче, будто я заранее даю себе разрешение на что-то большее: больше движения, больше взглядов и... больше желаний.

— Что вы почувствовали, когда поняли, что имя стало вашим? Как вы поняли, что вы теперь Марго?

— В тот день я решила проверить, работает ли имя как заклинание. Я закрыла дверь в ванную и включила воду сильнее, чем обычно. Ванна наполнялась, горячая струя билась о стенки и разлеталась паром, затягивая зеркало. Я всегда любила этот момент — когда мир за дверью исчезает, а остаюсь только я и моё тело. В тот раз всё было ярче, острее.

Я опустилась в воду и позволила ей закрыть меня с головой. Тепло подступало к коже, растворяло напряжение, и я шепнула в пустоту:

— Марго.

Имя прозвучало непривычно глухо. Я повторила громче:

— Марго.

Как будто кто-то другой откликнулся внутри. Вода слегка вибрировала от голоса, а тело отозвалось еле уловимым толчком — где-то внизу живота. Я провела ладонями по бёдрам, по животу, не спеша, будто впервые знакомясь с собой, и прошептала:

— Марго, хочу тебя.

Я почувствовала, как меняется дыхание. Пульс отзывается где-то между ног, вода кажется гуще. Я села, вода стекла по коже, и я увидела в запотевшем зеркале другое выражение лица. Не красавица, не киногероиня — нет. Просто женщина, которая смотрит на себя без попытки извиниться.

Я вышла из ванной, не вытираясь насухо, накинула халат. Перед зеркалом я раздвинула ноги, поставив ступни чуть шире, чем обычно. Это движение раньше казалось мне вульгарным, сейчас — естественным.

— Меня зовут Марго, — сказала я своему отражению. — И я хочу тебя, Марго.

Я смотрю на её реакцию, пока она рассказывает мне о своём «перерождении». Она говорит так, словно уже не раз репетировала этот монолог. Неудивительно: ритуалы редко рождаются с первого раза. Но что в этом рассказе правда, а что украшенный вымысел, мне ещё предстоит выяснить. Мне нужно понять, где причина её страха раскрыться и почему в её браке исчезла близость. Шаг за шагом мне снова приходится погружаться в фантазии и реальность, которые зачастую так сложно отличить. Чужие истории липнут, если слушать их слишком долго. Но это профессиональный риск, о котором не пишут в учебниках..

Она сидит напротив, в кресле с мягкими подлокотниками. Колени аккуратно сведены, лодыжки перехлестнуты, руки лежат на подлокотниках так, будто она готова в любой момент вскочить. Лицо при этом — спокойное, даже слегка ироничное. Взгляд цепкий.

— Вы ведь понимаете, — добавляет она после паузы, — что до этой «Марго» была совершенно другая жизнь?

Я киваю, чуть сдвигая блокнот к себе. Мне важно дать ей договорить, не перебивая. В подобных рассказах последовательность ритуала важнее хронологии событий.

— Расскажите про «другую жизнь», — говорю я. — Про Машу.

Она усмехается:

— Маша стеснялась собственного тела. Маша считала, что если она думает о сексе, то это уже почти грех. Знаете, я про то, что мальчики и девочки отличаются, узнала в детском саду. В старшей группе... Да, это было тогда. Мы играли в доктора в туалете, трогали друг друга и хихикали. Никто нам ничего не объяснял, но мы словно чувствовали: это «такое», про что взрослым лучше не знать. Под одеялом ночью я трогала себя, и мне было приятно. В школе мы уже матерились и рассказывали друг другу выдуманные истории про секс, как будто у всех это давно и регулярно. А у меня... — Марго делает жест рукой, словно обрывая фразу. — Первый раз был на первом курсе. Быстро, странно, без ощущения, что со мной произошло что-то важное. Табу как будто сняли галочкой, но я не стала ни свободнее, ни смелее.

Я слушаю и отмечаю: ранний стыд, отсутствие сопровождающего взрослого, фиксация на образе «правильной сексуальности». Она говорит ясным, ровным голосом, не увлекаясь деталями, но достаточно телесно, чтобы я видел внутреннюю картинку.

— И вы решили, что имя вам мешает? — уточняю я.

— Не сразу, — отвечает Марго. — Сначала я решила, что что-то не так со мной. В компаниях выбирали всегда другую. Мне казалось, что я делаю всё то же самое: так же смеюсь, так же одеваюсь, крашусь, так же намекаю, так же позволяю. Но на меня не падал этот... свет, — она подбирает слово. — Как-то я посмотрела фильм, не помню название, там героине помогло второе имя. Вторая жизнь. Я подумала: а почему нет? Если я не могу изменить тело, может, могу изменить роль.

Она говорит про «свет», и я невольно представляю прожектор, вырезающий круг на сцене, куда она сама не выходит. Вместо сцены — её ванная, вместо прожектора — тусклый свет над зеркалом, вместо костюма — тонкий халат.

Я делаю пометку: «Имя как разрешение. Ритуал как самоприсвоение тела».

— Я верно понимаю, что прошло много времени, прежде чем вы познакомились с Марго?

— Да, вы правы. Я очень долго была Машей. Я снимала халат и замирала, видя в зеркале своё привычное отражение: плечи чуть сведены, живот, который хотелось втянуть, грудь — маленькая и какая-то неправильная.

— Когда вы выходили замуж, вы были уже Марго или ещё Маша?

— Конечно, Маша. Если бы я тогда была Марго, всё было бы иначе.

— Но если вы Марго, вы теоретически можете многое. Можете позволить себе отношения с мужчинами, которые будут вас желать. Можете позволить себе раскованность в желаниях. Что вас держит?

— Я не знаю. Если бы я знала ответ, наши отношения с мужем были бы совсем иными.

— Как вы решили, что готовы прийти на терапию? — спрашиваю я после паузы.

Она смотрит на меня пристально, словно решая, сколько правды можно себе позволить в этом кабинете.

— Когда поняла, что Марго получается только в ванной, — говорит она. — А в спальне я снова становлюсь Машей. И ещё... — она на миг отводит взгляд. — Мой муж не спит со мной. Уже несколько лет. Официальная версия: проблемы с потенцией и «в браке не обязательно

иметь секс, если он ему не нужен». Но понимаете, врач сказал, что у него «всё нормально, потенция у него есть». Значит, проблема в другом. Она во мне.

Она поправляет край юбки, хотя тот и так лежит безупречно.

— Я ходила на курсы, — добавляет она. — «Пробуди свою богиню», все эти тренинги. Покупала бельё, игрушки... Я всё это делала очень старательно. Как отличница. Но когда я выхожу из ванной, из своей «Марго», и ложусь в кровать — он отворачивается, и я забываю про все свои намерения. Я как будто снова голая, но уже не телом, а... — она замолкает, поднимая на меня глаза.

— Стыдом, — подсказываю я мягко.

— Да, — выдыхает она. — Стыдом.

Я не спешу комментировать её мужа. В подобных историях слишком легко назначить виноватого и слишком рано объявить диагноз. Вместо этого переформулирую:

— То есть ритуал помогает вам чувствовать себя живой, но он не меняет динамику в паре?

— В точку, — кивает Марго. — В ванной у меня есть тело. В кровати — есть только отказ.

Я делаю ещё одну пометку в блокноте, одновременно слушая её дыхание: оно чуть учащается, когда она говорит «отказ». Это слово для неё — не просто факт, а удар.

На полях записываю: «Кейс №1. Марго. Ритуал идентичности → столкновение с брачной фригидностью партнёра. Тема: где кончается фантазия и начинается реальность отказа».

Пока она говорит, я замечаю, как в голове выстраивается образ: полутёмная спальня, полоска света из ванной, женщина в тонком халате на пороге и силуэт мужчины, отвернувшегося к стене. И ещё один — почти незаметный — штрих: лёгкий полупрозрачный тюль на окне, шевелящийся от ночного воздуха. Как будто сама комната не знает, на чьей она стороне. Тюль колыхнется, как занавес между сценой и залом.

Я отмечаю про себя это видение и откладываю в сторону. В работе важно различать: то, что вижу я — моя ассоциация, а не её факт.

— Зачем вы пришли ко мне, Марго? — задаю я вопрос ближе к концу сессии. — Если отбросить красивые истории про имена.

Она улыбается краешком губ:

— Я хочу понять, нормальна ли я. Или я... — она делает той самой рукой неопределённый жест, — извращенка. У меня много фантазий. Некоторые из них нравятся мне самой, некоторые — нет. Я не знаю, где проходит граница. Между тем, что можно просто думать, и тем, что обязательно когда-то вылезет наружу и всё разрушит.

Я много раз произносил студентам фразу о том, что мысль о преступлении не делает человека преступником. Сейчас она звучала у меня в голове как цитата из чужой лекции.

Я позволяю себе быть прямым:

— Вы боитесь, что ваши фантазии станут реальностью?

— Иногда, — честно отвечает она. — Иногда я боюсь обратного: что реальность так и останется хуже, чем мои фантазии.

Эта фраза заставляет меня чуть сильнее сжать ручку. Я записываю её дословно.

Внутри — короткая, почти техническая мысль: «Типичный запрос на работу с фантазиями и границами действия. Вопрос: где здесь личное, а где — отражение партнёрской динамики?»

Я вздыхаю и захлопываю блокнот.

— Хорошо. — Давайте договоримся так: вы приносите сюда свои фантазии. Все, которые сочтёте нужным. Мы будем смотреть на них вдвоём. Не как судья и подсудимая, а как исследователи. Устроит?

— Устроит, — отвечает Марго без колебаний. — Только, Илья... — она задерживается на пороге. — Вы точно выдержите?

Вопрос звучит как шутка, но в нём есть тот самый вызов, который всегда присутствует в подобных историях. Я улыбаюсь профессиональной улыбкой:

— Это моя работа.

Когда дверь за ней закрывается, я остаюсь на минуту в тишине. За окном — обычный городской день: машины, люди, серое небо. Всё очень нормальное.

Я смотрю на свою короткую запись: «Кейс №1. Марго» и подчеркнутую фразу: «реальность хуже, чем фантазии».

Рядом, почти машинально, дописываю: «Триггеры: вода, тюль, халат». И вдруг ловлю себя на том, что вспоминаю не свой кабинет, а номер в дешёвой гостинице, где когда-то слишком яркий тюль на окне пропускал оранжевый свет фонаря, окрашивая кожу женщины в цвет заката.

Вспышка уходит так же быстро, как и пришла. Я переворачиваю страницу и делаю себе пометку уже отдельно, на полях личного дневника, крошечным почерком:

«Интересно. Откуда вдруг запах нагретой ткани?»

Глава 2

Я вернулся домой раньше обычного.

Завтра лекция в институте, надо настроиться на волну. Лифт поднимается медленно, как всегда в этом доме, и в зеркале кабины на меня смотрит мужчина сорока лет с уставшими глазами и слишком аккуратно застёгнутой дорогой рубашкой.

Я люблю свою квартиру, которая всегда встречает меня прохладой и порядком. Столы пустые, кровать заправлена, в раковине — ни одной чашки. Иногда мне кажется, что по степени аккуратности кухни можно диагностировать стадию одиночества. У меня — хроническая, с ремиссией по выходным, когда здесь бывает мой сын. Я не терплю чужих рядом с собой. Мне хорошо в этом понятном порядке, он успокаивает и говорит о стабильности, о том, что я всё контролирую.

В коридорном зеркале на секунду мелькает лицо, которое не совсем моё — как будто более молодая версия с тем же разрезом глаз. Моргание — и оно исчезает. Просто отражение, ничего мистического. Усталость плюс привычка видеть лишнее. Побочный эффект, когда десяток лет смотришь на людей так, будто они — не только то, что сейчас.

Душ включаю на автомате. Горячая вода стекает по спине, смывает дневные истории, голоса, интонации. У каждого терапевта есть свои ритуалы дезинфекции. Кто-то пьёт, кто-то бегаёт марафоны, кто-то медитирует. Я просто стою под струёй и жду, когда шум воды заглушит внутренние голоса. Не клиентов — мои собственные комментарии к их историям.

Сегодня это не очень удаётся. Перед глазами всплывает Марго: её фраза про ванну, про то, что «в ванной у меня есть тело», и то, как она поправляла юбку, будто пыталась пригладить не складку ткани, а собственный стыд.

Я выключаю воду, вытираюсь, выбираю рубашку на завтра. Ничего особенного: светлая, без рисунка. Пиджак, часы, блокнот в сумку. Движения выверенные, экономные. Мужчина, умеющий держать себя в руках.

На кухне пью воду и смотрю в окно. На соседнем балконе кто-то вывесил сушиться простыню, полупрозрачную, как тюль. В проёме мелькает чья-то рука, кто-то поправляет прищепки. Обычная жизнь. Чужая.

Я ложусь на диван на пять минут. Эти «пять минут» — маленькая сделка с собой. Я знаю, что могу провалиться в короткий, рваный сон. Иногда в этих промежутках снится то, что потом помогает на лекциях больше, чем любые статьи.

Закрываю глаза. Комната на секунду плывёт, потолок превращается в сероватое небо. И тут же — провал.

Мне снится город.

Не сегодняшний, не с пробками и рекламой, а какой-то другой — словно вырезанный из старой книги. Узкие пыльные улочки, низкие дома с плоскими крышами, крошечные окна. Камень, глина, известка. Воздух сухой, как горло после долгой лекции.

Сначала кажется, что всё чёрно-белое. Потом до меня доходит: просто здесь всё одного оттенка — выгоревшего. Лишь небо над крышами рвётся в цвет: густеет от синего к тёмно-оранжевому, как будто кто-то развёл за ним большой костёр.

Я иду по улице и чувствую себя чужаком, хотя люди кивают мне, как знакомому. Женщина на балконе встряхивает простыню, белый тюль колышется в дверном проёме лёгкой волной. За полуоткрытой дверью мелькает плечо мужчины, смех, чей-то окрик. На углу двое спо-

рят о цене чего-то, что я не различаю. Мальчишка гоняет по пыли тряпичный мяч. Старик сидит у стены и дремлет, уронив голову на грудь. Всё до неприличия обычное.

Никто не выглядит грешником. Никто не носит табличку «опасен». Это просто люди, которые живут как живётся: ругаются, мирятся, торгуются, завидуют, желают, скрывают.

Я сворачиваю в более узкий переулок. Здесь прохладнее, стены ближе. Окна чуть приоткрыты, за ними — фрагменты чужих жизней: кто-то застёгивает платье, кто-то рвёт письмо, кто-то стоит у стены, обхватив себя руками. Голоса сливаются в фон, как шум вентиляции в здании.

И вдруг в воздухе появляется другой запах.

Сначала это что-то едва уловимое. Как будто где-то далеко кто-то жарит хлеб. Потом к этому добавляется тонкая нота нагретого масла, пыли, ткани. Я останавливаюсь и делаю вдох глубже. Сладковатый привкус на границе осознания.

Я поднимаю голову: небо по-прежнему только стучается, но небо здесь кажется слишком близким, слишком тяжёлым. На крыше напротив кто-то развесил ещё одну простыню, белую, такая же тюлевая волна. Она шевелится от ветра, и на секунду мне мерещится, что это не ткань, а дым, который пытается принять безопасную форму.

Я иду дальше. В ухе нарастает гул, как будто улица наполняется невидимыми шагами. Мне никто не говорит, что произойдёт дальше, но тело реагирует — знакомым сжатием в животе, тем, что клиенты описывают как «предчувствие, от которого хочется спрятаться, но глаза всё равно тянет смотреть».

Кто-то идёт мне навстречу — мужчина в простой одежде, ничем не примечательный. Проходя мимо, он чуть поворачивает голову и смотрит прямо в глаза. В этом взгляде — лёгкое узнавание, как у коллег, встречающихся на конференции:

«Мы знаем, чем всё закончится».

Ни единого слова, только это ощущение соучастия в будущем, которое ещё не случилось.

Я вслушиваюсь в звуки. За одной дверью — хлопок, за другой — женский смешок, где-то раздаётся чей-то резкий вскрик, но он тут же тонет в общем жужжании города. Всё это уже было в сотнях рассказов, которые я слышал в своём кабинете: унижение под видом игры, измена под видом права на счастье, насилие под видом воспитания, отказ под видом «я устал». Здесь это просто часть фона.

Я делаю ещё шаг — и вдруг понимаю, что стою не на пыльной улице, а у себя в квартире, посреди комнаты. Серый потолок, привычные стены, на стуле — аккуратно сложенный пиджак. За окном — обычный московский двор, машины, детская площадка, светящийся прямоугольник чужого телевизора.

На секунду я не понимаю, сколько прошло времени. Часы на стене послушно показывают пятнадцать минут. Сон уместился в четверть часа, как это часто бывает.

Я сажусь, провожу ладонью по лицу. Вкус воздуха во рту всё ещё слегка горчит, как от пересушенного тоста. Голова помнит выцветшие дома, тело — это странное предчувствие, будто город, в котором всё «как у людей», уже наполнен невидимым дымом.

Я не знаю, был ли это просто сон, собранный моим мозгом из чужих историй, или что-то ещё. Я достаточно рационален, чтобы не искать мистики там, где хватает психодинамики. И достаточно честен, чтобы признать: иногда образы приходят раньше понимания. И если повезёт, ты успеешь понять, прежде чем окажешься внутри этого образа.

Резкий звук будильника. Все как всегда.

Я выхожу за дверь идеально выбритый, идеально одетый, с тщательно подобранным парфюмом — запах уверенности и секса, который люди принимают за меня.

В институте меня ждёт аудитория. Студенты, которые пока еще верят, что всё можно расписать по классификациям. И гость в маске, который сейчас, наверняка, слегка волнуется,

думая о том, хватит ли у него смелости рассказать о себе чужим людям. Но это только вначале, потом они все чувствуют эйфорию и возбуждение.

Сегодня на лекции мы снова будем говорить о том, что происходит за закрытыми дверями. И мне почему-то кажется, что всё, что снилось, — какая-то аккуратная подсказка: город, в котором я живу, ничуть не спокойнее того, что растворился утром в полусне.

В холле института пахнет пылью, бумагой, чем-то сладким из буфета. Я поднимаюсь по лестнице, открываю дверь аудитории — и вижу уже знакомую картину: ряды стульев, лица, чей-то приглушённый смех.

Сегодня будет жарко.

Глава 3

Мои лекции пользуются странной популярностью.

Формально я читаю курс по клинической сексологии и психодинамике желаний. В написании это выглядит скучно: «особые формы сексуального поведения», «работа с фантазиями и стыдом». Но студенты приходят не за терминами. Они приходят за живыми историями.

Я давно понял: теория запоминается хуже, чем один реальный человек, который сидит перед тобой и говорит: «Это — про меня». Поэтому несколько раз в семестр я устраиваю то, что в методичках аккуратно называется «разбор клинического случая с участием клиента».

Я даю реальные случаи и приглашаю реальных людей.

Они приходят в маске. Их невозможно узнать: ни по имени, ни по работе, ни по лицу. Я меняю детали биографии, возраст, профессию, сохраняя динамику: боль, способ, которым человек научился с ней жить.

Я не до конца понимаю, почему они соглашаются. Денег за это никто не платит. В лучшем случае я могу предложить несколько бесплатных сессий взамен. Думаю, дело не только в этом. Для многих это единственный способ дать своей истории выйти наружу так, чтобы никто не ткнул в них пальцем. Чтобы кто-то наконец узнал об их страхе, боли и фантазиях — но не о них самих. Это как анонимная исповедь в аудитории вместо храма. И, как и в любой исповеди, они приходят не только за прощением, но и за свидетелем.

Сегодняшний случай сложнее обычного, хотя все кейсы на моих лекциях не из простых.

Евгений — не просто «ещё один любитель острых ощущений». В его истории слишком много слоёв: тяжёлый отец, сестра-близнец, травма тела, женская одежда, боль, без которой не включается желание. Это тот случай, где даже для подготовленного слушателя легко сказать слово «извращение» и так ничего и не понять.

Я смотрю, как он устраивается за столом, поправляет чёрную маску, ставит перед собой бутылку воды, к которой, скорее всего, так и не притронется. В аудитории шуршат тетради, кто-то неловко хихикает, кто-то уже заранее нахмурился.

— Сегодня, — говорю я, — мы послушаем человека, который согласился рассказать о своём опыте. Назовём его Евгением. Вопросы — потом.

Он кивает, чуть откидывается на спинку стула. Голос у него такой, в котором привычка оправдываться смешивается с привычкой шутить.

И в тот момент, когда он начинает с фразы «Странно, всю жизнь я думал, что это просто моя особенность...», я понимаю: для кого-то в этой аудитории это будет первой честной встречей со своим собственным страхом.

Он сидит в простой чёрной маске, закрывающей верхнюю часть лица. Дешёвый театральный реквизит, купленный, чтобы удержать границу между «я» и «историей».

Евгений устраивается поудобнее, будто собирается развалиться в кресле у себя дома, и заговорил.

Голос глухой, словно это не он рассказывает о себе, а кто-то за его спиной сейчас стоит и говорит за него.

—Всю жизнь я думал, что это просто моя... особенность. Здесь это, кажется, принято называть парафилией. Само слово мне не нравится. Потому что мне в принципе нравится то, что я делаю. Я никому никогда не причинил вреда. Но почему-то все вокруг твердят, что со мной что-то не то.

Он усмехнулся, поправил маску.

— Я долго отмахивался. Даже когда отец угрожал психушкой. Я думал: «Вы просто ничего не понимаете». А сейчас, в свои тридцать семь, сидя вот здесь, перед вами, я вдруг пой-

мал себя на том, что чувствую себя... извращенцем. Не потому, что случилось что-то новое, а потому что кто-то наконец дал этому словесную форму. Внутри у меня тихо откликается знакомое: как только даёшь слову власть, оно начинает менять реальность. И мой яркий, насыщенный мир начал превращаться в какую-то зыбкую трясиину. Как будто кто-то залез туда сапогами и перемешал все краски.

Он на мгновение замолчал, как будто проверяя, по-прежнему ли аудитория ещё с ним.

— Меня называют самобичевателем, — продолжил Евгений. — Смешное слово, если подумать. В нём много правды. Я помню момент, после которого всё будто щёлкнуло. Хотя если копать глубже, окажется, что мне нравилось это ещё в детстве.

Он чуть подался вперёд.

— Старшая группа детского сада. Мы с ребятами придумали новую игру: «догонялки с хлыстом». Догоняешь — бьёшь веточкой по тому месту, куда дотянешься. Это была игра, не пытка. Все смеялись. Но я... я ловил себя на том, что специально притормаживаю. Мне нравилось, когда догоняют меня. Этот лёгкий удар, это “ай” в теле — оно почему-то запоминалось лучше, чем любые другие игры.

Он пожал плечами.

— Потом был эпизод, который я до сих пор помню кожей. Мне было лет двадцать. Я допустил глупость: оставил дверь в комнату приоткрытой. Отец застал меня за мастурбацией. Само по себе — не конец света, все этим занимаются. Но..., — он перевёл дыхание, — кроме лакированных женских сапог на мне ничего не было.

Кто-то на задних рядах кашлянул. Евгений усмехнулся краешком рта.

— Отец орал. Угрожал дуркой. Потом, как ни странно, плакал. Говорил, что виноват, что недосмотрел. Потом придумал решение, которое ему показалось правильным: меня надо женить. До сих пор считаю, что это была одна из самых странных форм заботы.

Он провёл пальцем по горлышку бутылки, как будто примеряясь к следующей фразе.

— Отец был человеком суровым, таким... полутюремным. В хорошей должности, с большими связями, но мышление у него было простое: «У нормального мужика есть жена. Значит, если у сына есть жена, всё нормально». Жену он решил подобрать сам, по своим каналам. Мне тогда казалось, что это приговор. Сейчас понимаю, что в этом было много его страха и вины.

Евгений на секунду опустил голову.

— Я родился слабым, болезненным. Родовая травма, ортопедические приспособления, какие-то железки, гимнастика... У меня есть сестра-близнец, Софья. Она полная противоположность. Здоровая, сильная, активная. Лидер с рождения. Меня буквально вытаскивали щипцами следом за ней. Где-то там акушерка накосячила, её потом уволили, но мне от этого легче не стало. Долго не мог нормально ходить, хромота осталась и сейчас.

Он чуть придвинул к себе стакан, но так и не отпил.

— В нашей паре лидером была Софья. Ей сходило с рук почти всё. Она нарушала запреты, и отец ей прощал: «Она же девочка». Меня он дрессировал иначе. Требования — жёстче, наказания — хуже. И вот вырастает такой мальчик, который привык, что он слабее, хуже, виноват по умолчанию. Я не скажу, что сидел и мечтал, чтобы меня били. Но где-то в теле уже записалось: боль и унижение — это привычный язык, на нём с тобой разговаривает мир.

Он чуть наклонил голову, всматриваясь в чей-то крайний ряд.

— Отец застал меня в сапогах..., я уже говорил. После этого был жуткий разговор про «позор семьи», про «будешь в дурке колотиться». Я тогда впервые по-настоящему испугался. Не своих желаний — его реакции. Вместо того, чтобы признать: да, мне это нравится, я начал прятать это от всех. От отца, от сестры, от будущей жены. От самого себя.

Он откинулся на спинку стула.

— Жёну мне действительно нашли. Добрую, терпеливую. Мы поженились. Свадьба шикарная, тосты. Все были счастливы: «Вот, у Жёни жена, значит, всё в порядке». А я в первую брачную ночь думал не о том, как её раздеть, а о том, как спрятать в шкаф сапоги, чтобы она их не нашла.

Он посмотрел куда-то поверх голов.

— В какой-то момент я понял, что всё, что связано с реальной близостью, вызывает у меня тревогу. Ласка, нежность, «правильный» секс... Я напрягался, как будто меня сейчас будут экзаменовать. Но стоило появиться боли, унижению или хотя бы угрозе наказания — и всё становилось ясно. «Вот оно, родное».

Он сделал паузу, позволив словам осесть.

— Я дошёл до психотерапевта не потому, что вдруг почувствовал себя плохим. А потому что жизнь вокруг начала сыпаться. Партнёр по бизнесу откровенно пользовался моей мягкостью, жена грозила разводом: у нас давно не было близости. Я чувствовал, что меня отовсюду выжимают и где-то внутри назревает взрыв.

Он улыбнулся, вспоминая.

— Психолог у меня была... очень правильная. Ровный голос, аккуратные формулировки. Сидела, смотрела на меня и говорила вещи вроде: «Присутствие сильной сестры-близнеца обострило конфликты бисексуальности и усилило женскую идентификацию...» — он чуть изменил голос, имитируя спокойный тон. — «...тем самым усилил тревогу по поводу кастрации. Вспышки перверсной деятельности спровоцированы тяжёлым чувством вины, возникшим в результате множества тщетных попыток противостоять давлению и желанию превзойти вашего властного отца и сильную сестру...» И так далее.

Несколько студентов невольно улыбнулись. Илья молчал, давая ему продолжать.

— Я сидел, кивал и думал: «Ну да, всё логично. Очень красиво сказано». И одновременно замечал, как где-то на краю сознания у меня возникает другая картинка. Та же женщина-психолог, только не в строгой блузке, а в кожаном обтягивающем костюме и лакированных ботильонах. И она не объясняет мне мои конфликты, а берёт в руки ремень.

«Иногда самые правильные слова становятся просто дорогой упаковкой для старых сценариев», — подумал я, слушая его рассказ.

Евгений чуть опустил голову, как будто извиняясь.

— Понимаете, пока она говорила мне про вину и кастрацию, я уже видел, как ремень скользит в её руке. И с какого-то момента мне стало всё равно, о чём она говорит. Я пришёл, чтобы разобраться с тем, что партнёр по бизнесу меня обманывает и жена не хочет жить со мной. А ушёл с новой, очень подробной фантазией о том, как меня бьют.

Он развёл руками.

— Это и есть то, что я называю самобичеванием. Я мог бы всю жизнь искать в этом глубинные смыслы: отца, сестру, травму при родах. И да, они там есть. Но есть и простая, телесная правда: в какой-то момент боль стала для меня самым понятным языком мира. На нём со мной разговаривали с детства. И я выучил этот язык лучше остальных.

Он поднял голову и посмотрел прямо в аудиторию.

— Я не стою перед вами как «исправившийся» или как человек, который от всего этого избавился. Нет. Я по-прежнему надеваю сапоги. По-прежнему могу возбудиться от мысли, что меня поставят на колени. Разница в том, что я перестал делать вид, будто этого во мне нет. И перестал врать себе, что это «просто игра».

Он на секунду замолчал.

— Когда мне впервые сказали слово «парафилия», я обиделся. Сейчас я понимаю, что мне обидно было не за себя, а за то, как легко люди прячут под этим словом всё, от чего им страшно. Мне хотелось бы, чтобы вы — он кивнул в сторону аудитории — когда будете работать с такими, как я, помнили: перед вами не «извращенец». Перед вами человек, который

нашёл очень кривой, но свой способ вынести то, что с ним происходило. И если вы будете видеть только сапоги, вы упустите всё остальное.

Он откинулся на спинку стула, как будто закончил.

— Всё, — сказал Евгений. — Можете спрашивать.

Но по тому, как он начал сжимать горлышко бутылки и избегать взглядов, я понял: с вопросами он не справится. Пора его отпускать. Моя задача не навредить им. Эти люди и без нас живут на пределе кожи.

— Вопросы — в следующий раз, — остановил я нарастающий гул в аудитории. — Разбор кейса после перерыва.

Я видел по лицам студентов, как в них борются любопытство, отторжение, сочувствие. Видел и то, как некоторые опускают глаза — не потому, что им стыдно за Евгения, ... а потому что где-то внутри у каждого шевельнулись свои, очень личные «сапоги». Кто-то просто ещё не придумал для них красивое объяснение.

Я закрыл папку с надписью: «Кейс. Евгений» и отметил про себя: «Триггеры: боль, унижение, женская обувь, голос отца, сестра-лидер».

Я подошел к большому окну и поймал себя на том, что вспоминаю, как Евгений описывал ощущения: легкий удар, «ай» в теле, ощущение лаковой кожи под пальцами. И где-то глубоко, совсем неслышно шевельнулось знакомое: ««Интересно. Почему я так отчётливо это представил?». Побочный эффект эмпатии, — автоматически подсказывает профессиональная часть. Остальное молчит.

Глава 4

В аудитории ещё чувствовалось напряжение после истории Евгения. Я закрыл папку, отпил воды и немного выждал, давая тишине уплотниться.

— Давайте начнём с простого, — сказал я. — Не про диагнозы. Про вас. Что вы чувствовали, пока слушали его?

Пауза была длиннее, чем положено на семинаре. Студенты шуршали тетрадями, кто-то отвёл взгляд в телефон. В таких моментах всегда есть один, кто не выдерживает.

— Мне было... неприятно, — сказала девушка с третьего ряда. — Не знаю, как правильно описать. Как будто он... переходит какие-то границы. Это... неприлично.

Я кивнул.

— Что именно «неприлично»? Его фантазии? То, что он о них говорит? То, что вы это слышите?

Она смутилась, поправила ручку.

— Ну... всё сразу. Мужчина в женских сапогах... родитель застал... — она запнулась, подбирая нейтральные слова. — Я не понимаю, как можно этим... гордиться. И вы... приглашаете его в аудиторию. Это... — она поискала взглядом поддержку, — неправильно, мне кажется.

Кто-то на задней парте хмыкнул. Я перевёл взгляд в зал.

— Кто-нибудь ещё? Сейчас не анализ, а реакция. Только честно: «мне мерзко», «мне жалко», «мне смешно» — всё годится. Это не экзамен.

Рука поднялась в конце ряда, у стены. Высокий парень, аккуратная борода, блокнотик в руках.

— Лично мне было интересно. И... местами даже... — он замялся, но досказал, — возбуждающе.

По рядам прокатился смешок, кто-то фыркнул.

Я замечаю не только смешки, но и то, как несколько человек быстро опускают глаза в тетради, как девушка с третьего ряда напряглась, прижала локти к корпусу.

— То есть вы, — уточнил я спокойно, — испытывали сексуальное возбуждение, слушая, как мужчина рассказывает о том, как его бьют и как он надевает женские сапоги?

— Нет. Я ловил себя на том, что мне... нравится эта открытость. Но и да... картинка в голове включалась.

На последнем ряду кто-то едва слышно присвистнул. Классическая защитная реакция: осмеять, прежде чем признать, что у тебя тоже есть картинка в голове.

— Спасибо, — сказал я. — Это и есть то, ради чего мы здесь сидим. Не ради правильных терминов, а ради вот этих «мне неприятно» и «мне показалось...».

Я повернулся к девушке.

— Вы сказали: «неприлично». Давайте попробуем разобраться, что это значит. У нас в культуре есть два больших табу. Первое: «нельзя делать». Второе: «нельзя чувствовать». С «нельзя делать» нам проще. Есть законы, мораль, договорённости. Нельзя причинять вред другому без его согласия. Нельзя трогать ребёнка. Нельзя заставлять. Это про действие.

Я сделал короткую паузу.

— Но есть ещё «нельзя чувствовать». Нельзя возбуждаться от чужой истории — это «грязно». Нельзя представлять себя на месте того, кто сейчас рассказывает эту «грязь» — это тоже «грязь». Нельзя позволять себе. И вот здесь начинается настоящий хаос. Потому что с чувствами гораздо сложнее договориться, чем с поведением. Они приходят сами.

Я заметил, как несколько человек в первом ряду чуть привстали над тетрадями — наконец началось то, ради чего они пришли.

— Скажите, — я снова обратился к девушке, — если вы чувствуете отвращение, это делает вас плохим человеком?

— Наверное, нет... — неуверенно ответила она.

— А если вы чувствуете возбуждение, слушая Евгения?

Она вспыхнула.

— Но я не чувствовала... — поспешно сказала она.

— Хорошо, — я кивнул. — Давайте уберём личное. Допустим, кто-то в этой аудитории возбуждался, слушая Евгения. Это делает его менее приличным? Менее достойным? Менее способным к эмпатии?

Тишина была плотной.

— Нам проще осудить объект, чем признать свою реакцию, — продолжил я. — Сказать: «Он извращенец, это неприлично» легче, чем: «Во мне что-то шевельнулось, и я не знаю, что с этим делать». Потому что, как только вы признаёте второе, ответственность за это чувство остаётся с вами. Не с Евгением, не с его сапогами, а с вами. Но вы пришли учиться психотерапевтическим моделям, а, согласно Фрейду, корень многих психических проблем лежит в зоне сексуального влечения, желания и его сокрытия. Вам придётся научиться рефлексии, если вы собираетесь работать с клиентами и идти в глубину, затрагивая эти темы. Вы будете годами разбирать проблему Евгения с его партнером и не продвинетесь ни на йоту, если не коснетесь того, что сейчас вызвало отторжение.

Я сделал паузу.

—И то, что с вами сейчас происходит, с вашими ощущениями —это тоже нормально. Так вы познаете себя через терапию других. И только так вы сможете понять, насколько глубоко вы готовы работать и готовы ли стать тем специалистом, к которому будут записываться и платить большие деньги.

Я медленно прошёлся взглядом по рядам.

— В психотерапии мы разделяем три вещи. Первое — фантазия. Второе — чувство, возникающее рядом с этой фантазией. Третье — действие. Фантазировать можно о чём угодно. Чувствовать — тоже. Граница проходит там, где вы начинаете действовать.

Я подчеркнул:

— Осуждать действие, которое наносит вред другому, — нормально и нужно. Осуждать человека за то, что он чувствует возбуждение или отвращение, — бессмысленно. Это всё равно что осуждать за то, что у него поднимается температура при инфекции.

— Но общество же... — начала кто-то с первого ряда.

— Общество, — перебил я мягко, — веками учило нас прятать не действия, а чувства. Делать можно было многое, если это не обсуждается. Бить жену дома — пожалуйста, главное не выносить сор из избы. Ходить к проституткам — тоже. Но говорить: «Мне нравится, когда меня унижают» или «Я возбуждаюсь от того, что слышу эту историю» — вот это неприлично. Не потому, что это хуже, а потому что становится видно.

Где-то справа кто-то тихо прошёлкал ручкой. Я почувствовал знакомое лёгкое напряжение в зале: граница «разрешённого» обсуждения двигается, и это немного страшно и притягательно одновременно.

— С психотерапевтом происходит то же самое, — добавил я. — Вы будете сидеть напротив человека, который рассказывает о своих желаниях. И если вы честно отнесётесь к себе, то заметите: иногда вы будете чувствовать отвращение. Иногда — жалость. Иногда — возбуждение. И если вы сделаете вид, что этого нет, вы станете опаснее, чем любой клиент.

Я сделал вдох.

— Потому что тогда ваши непризнанные чувства начнут управлять вами из-под стола. Вы будете строже к тем, кто вызывает отвращение, мягче к тем, кто вам симпатичен, и агрессивно осуждать тех, рядом с кем вам... приятно. Чтобы не признавать, что вы живой.

Девушка с третьего ряда молчала, глядя в тетрадь.

Она подняла на меня глаза — упрямые, чуть обиженные.

— Я... не хочу, чтобы это считалось нормальным, — сказала она. — Если мы перестанем говорить «это ненормально», где тогда граница? Все начнут делать, что хотят?

— Хороший вопрос, — я улыбнулся краем губ. — Где граница? Между «нормальным» и «ненормальным». Между приличием и неприличием. Между тем, что допустимо чувствовать, и тем, что допустимо делать.

Я посмотрел на часы: время почти вышло, но мне было интересно провоцировать их на высказывания и чувства.

— Попробуйте на сегодня взять одну мысль, — сказал я, обводя взглядом аудиторию. — Нормальность — не там, где «у всех так». И не там, где «никому не вредно». Нормальность — очень шаткая конструкция из того, что вы готовы признать в себе, и того, что вы обязаны сдерживать ради другого. И каждый раз, когда вы говорите: «Это неприлично», проверяйте: вы сейчас защищаете чьи-то права или своё право не чувствовать?

Я закрыл блокнот.

— На этом мы сегодня завершим. А вам домашнее задание... — я позволил себе лёгкую иронию, — можете понаблюдать за собой по дороге домой. Какие истории вы прокручиваете в голове, чьи сапоги, халаты и ванны там всплывут. И что с этим делает ваше внутреннее «это неприлично».

Стулья закрипели, аудитория зашевелилась.

Когда дверь за последним студентом закрылась, я остался в пустой аудитории.

Столы, стулья, доска с парой нестертых слов: «фантазия», «стыд», «границы». На подоконнике — забытая кем-то пластиковая бутылка. За окном серело.

Я сел на край стола и прислушался к себе.

Честный ответ на вопрос, который я только что задавал им: что я чувствовал, слушая Евгения?

Нет, не так. Что я чувствовал, наблюдая, как на словах «сапоги» и «ремень» у половины аудитории чуть меняется дыхание?

Я закрыл глаза на секунду. Внутри всплыла не аудитория и не Евгений. Всплыл номер дешёвой гостиницы, оранжевый свет фонаря, падающий на кожу женщины, стоящей ко мне спиной.

И моё собственное, очень отчётливое тогдашнее ощущение: «Так нельзя. Но я всё равно хочу».

Я открыл глаза, выровнял дыхание, взял сумку. На автомате отметил в блокноте коротко: «Семинар. Тема: неприлично чувствовать. Моя реакция: номер в отеле, спина женщины, оранжевый цвет. Откуда такая точность воспоминания?»

Я по привычке достал телефон, проверил сообщения. Одно — от неё.

«Сегодня можешь? Через два часа. Та же гостиница».

Я немного задержал палец над экраном, прежде чем написать: «Да». Все мои сегодняшние речи про «фантазии, чувства и действия» аккуратно сложились в одно короткое действие.

На улице серость и город, в котором людям по-прежнему неприлично говорить, чего они на самом деле хотят.

Глава 5

Мы встречаемся раз в неделю. Иногда чаще, иногда реже — как совпадёт расписание, настроение, возможность вырваться из своих «нормальных» жизней.

У неё есть муж. У меня — аккуратная пустота, к которой я давно привык. Мы не устраиваем сцен ревности, не задаём лишних вопросов. Нас связывает только одно — одинаковое желание. Почти честное.

Мы оба любим секс ради секса.

Без обещаний, без долгих разговоров о чувствах, без попыток превратить ночную вспышку в дневной контракт. Мы не обсуждаем детство, родителей, травмы. Не касаемся того, что я каждый день слушаю в кабинете. Максимум — кратко: «Как дела?» в коридоре гостиницы, пока я оплачиваю номер.

Основное происходит за дверью.

Это самая обычная гостиница «на час». Неприметное здание без вывески, тёмный холл с искусственным фикусом. На ресепшене — женщина с взглядом, в котором сплошное равнодушие.

Внутри номера всё предсказуемо.

Тёмные тона: бордовый и чёрный. На стенах — зеркала. На потолке — тоже. Кровать шире, чем нужно двум людям, с глянцевым изголовьем. На тумбочке — бутылка воды с каплями конденсата. В углу — плазма. По умолчанию на ней крутится порно. Звук негромкий, но стоны слышны уже на пороге — как будто тебя ждут и всё это время не хватало именно тебя.

Когда я был моложе, я был уверен, что никогда не окажусь в таком месте всерьёз.

Порно было «не про меня». Слишком грубо, слишком примитивно, слишком далеко от тех сложных историй, которые я слышал на работе. Люди на экране не казались живыми. Декорации — картонными. Оргазмы — нарисованными.

Я говорил себе, что меня это не трогает. Что мои фантазии устроены тоньше. Что меня интересует не просто секс ради секса, а динамика желаний, бессознательные сценарии — всё это.

Я активно менял партнёров, не страдая угрызениями совести по поводу того, что у меня была жена. А когда ей надоело, и мы развелись, мне надоела и смена партнёров. Всё стало обыденно: блондинка, брюнетка, повыше, пониже, худее, толще — но глобально ничего не менялось. Один и тот же трах с разными причёсками.

В какой-то момент я понял, что не хочу больше притворяться. Не хочу разыгрывать интерес к чужой биографии, изображать ухаживание и вежливое соблазнение. Я просто хочу оказаться в комнате, которая пропахла сексом. В комнате, где тела отражаются в зеркалах, а мои и её стоны сливаются со стонами тех, кто за моей спиной на экране вытворяет то, что я никогда не позволю себе повторить в собственном футляре «так неприлично».

Я могу сколько угодно объяснять это профессией, выгоранием, чем-то ещё. Но факт остаётся фактом: стоит включить этот чёртов экран — и у меня встаёт. Даже если секунду назад сперма стекала по её бёдрам. В терминах лекции это называется «условный стимул» и «подкрепление». В терминах тела — просто включатель.

Теперь я знаю, что то, что происходит на экране, меня возбуждает. Её — тоже.

Не потому, что там что-то особенно извращённое или изысканное. Чаще всего — стандартный набор: кто-то в чулках, кто-то на коленях, кто-то делает вид, что сопротивляется. Меня возбуждает не содержание, а отсутствие стыда.

Там никто не делает вид, что «это не главное». Никто не рассказывает, что брак — это прежде всего духовная близость, а тело — опция. Никто не спрашивает: «Нормально ли так хотеть?» Они просто делают.

Мне одновременно стыдно это признавать и невозможно отрицать.

Я — человек, который часами объясняет студентам, что порно формирует искажённые представления о сексе, — сам лежу на кровати с зеркальным потолком и чувствую, как именно эта картинка ускоряет дыхание у женщины рядом.

Иногда я смотрю не на экран, а в зеркало над нами.

Оттуда на меня смотрят два тела в бордовой комнате. Моё — слишком знакомое. Её — местами закрыто тенью. На заднем плане — маленький прямоугольник телевизора, где другие тела совершают похожие движения в другой декорации.

Сцены накладываются.

Я вижу, как она выгибается, и одновременно — как женщина на экране выгибается почти так же. Я слышу её вдох и знаю, что там, за стеклом, кто-то тоже задыхается — по заказу режиссёра. В какой-то момент моё тело перестаёт различать, откуда пришёл импульс: из её горла, из динамика или из моей головы.

В такие моменты я становлюсь зрителем в собственном номере. Зрителем, которому привычнее, чем участнику.

Как будто выхожу из тела на полметра в сторону и описываю происходящее:

Мужчина и женщина встречаются раз в неделю в дешёвой гостинице. Они мало говорят. Их связывает привычная, надёжная форма разрядки. На стенах — зеркала, на потолке — тоже. На экране — люди, которые делают вид, что им не стыдно.

Мужчина профессионально знает, какие механизмы здесь задействованы: подражание, идентификация, снятие контроля через третье, «наблюдаемое» тело. Он мог бы разобрать это на лекции, сослаться на исследования, привести статистику.

Но сейчас он не читает лекцию. Он стоит на коленях на кровати, ловит взгляд женщины в зеркале и чувствует, как в нём самом что-то отзывается скорее на движение света по её коже, чем на сюжет. А может, и на сам сюжет, который отражается сразу в нескольких зеркалах.

В углу чуть колышется полупрозрачная ткань — тюлевый балдахин над кроватью, натянутый на металлическую раму. Его можно отодвинуть, можно опустить вниз, замкнув вокруг нас мягкий квадрат.

Я не уверен, был ли балдахин здесь с самого начала, или мы просто выбрали «тот самый» номер, где он есть.

Полупрозрачная ткань провисает между нами и потолком, как вторая кожа. Через неё отражение в зеркале становится чуть размытым, приглушённым. Мы по-прежнему видим себя — в изгибе потных тел, в рывках дыхания — но будто уже через фильтр.

Тюль над нами напоминает мне о том сне-городе, который вернулся днём. О простынях, развешанных между домами. О дыме, принимающем форму ткани. О том, как легко спрятать огонь за полупрозрачной материей и назвать это «интерьерным решением».

Она опускает балдахин до конца.

Здесь, под этим импровизированным «домом из тюля», мы как будто попадаем в отдельную зону, где можно делать то, о чём не принято говорить. Здесь можно стонать громче, чем прилично; извиваться от прикосновений губ к телу, которое реагирует, как оголённый нерв, на малейшее движение. Снаружи остаются ресепшен, муж, кабинет, институт. Внутри — тела, зеркало и чужое порно, которое честнее любого разговора.

Мой наблюдатель не отключается в такие моменты. Тело и наблюдатель живут отдельно. Тело продолжает содрогаться от очередного оргазма, а мысли кружат над нами, как камера.

Я думаю не только о том, как мне хорошо, но и о том, как это могло бы выглядеть со стороны. Как кто-то, сидящий в тёмной аппаратной, переключает каналы и на секунду задерживает картинку: номер, кровать, два тела под белым балдахином, на заднем плане — мерца-

ющий экран. Я не знаю ещё, что однажды окажусь по обе стороны экрана. Пока это просто удобная фантазия — я за кадром, они в кадре.

Как человек в соседнем доме видит только силуэт на тюле и не знает, что именно там происходит. Догадывается. Додумывает. Возбуждается или осуждает.

Думаю о том, что, возможно, если бы мне дали выбор: выключить экран навсегда или оставить его включённым, я бы выбрал второе. Не потому, что не могу без порно, а потому что с ним мне проще признать: я тоже — всего лишь тело, которое реагирует на картинку.

И каждый раз, выходя из этого номера, я возвращаюсь в мир, где мне снова предстоит быть тем, кто объясняет другим, как устроено желание. Тем, кто должен выдерживать чужой стыд, не показывая своего.

По пути домой я иногда ловлю себя на смешной мысли:

если бы мои студенты увидели меня здесь, под тюлевым балдахином, глядящим то на зеркало, то на экран, они бы сказали: «Это неприлично».

И были бы правы — в своём смысле.

Лежу, смотрю на своё отражение в зеркале на потолке и ловлю мысль, которую потом перенесу в блокнот:

«Гостиница. Тюлевый балдахин как дом из тюля. Порно — как честное признание: мне можно возбуждаться от картинки. Чем мой кабинет отличается от этого номера? Тем, что должен выдерживать чужой стыд, не показывая своего. Чужие фантазии — тема дискуссии. Свои — служебная тайна. Разница только в том, что там я не имею права трогать.

Глава 6

Она вернулась из душа.

Волосы ещё влажные, собранные в небрежный узел. Капли стекают по шее, исчезают под полотенцем, повязанным наспех. В руках — её сумка, телефон, ключи. Обычный набор женщины, которая только что занималась сексом с мужчиной, не своим мужем.

Я смотрю на неё и вдруг понимаю, что почти ничего о ней не знаю.

Я знаю, как она дышит, когда кончает. Знаю, как напрягаются мышцы у основания шеи, когда она сдерживает крик. Знаю, как меняется её взгляд, когда я кладу руку ей на затылок. Но я не знаю, что она ест на завтрак, какие сериалы смотрит, какой звук будильника стоит у неё на телефоне.

Это кажется странно: я могу описать расположение родинок на её теле, но не помню, как зовут её мужа. Однажды она назвала его по имени, но оно не закрепилось. Сознание отказалось держать третьего в этом номере.

Она надевает бельё, юбку, блузку — быстро, деловито. В её движениях нет ни истерики, ни особой нежности. Просто женщина, возвращающая себе социальную оболочку после часа, проведённого без неё.

— У тебя есть сегодня приём? — спрашивает она, поправляя воротник.

— Нет, — отвечаю я.

Она кивает. Её это мало интересует. Как и меня не интересует то, что она будет делать после встречи со мной.

Мы редко говорим о себе. С самого начала установили негласное правило: минимум биографии, максимум тела. Никаких «а как ты к этому пришёл», никаких попыток сделать из этого роман. Нас связывает только одинаковое желание: возможность забыть, кто мы по паспорту, на время, отведённое оплаченной комнате.

Иногда я думаю, что это — самая честная форма отношений из всех, что у меня были.

Она смотрит на себя в зеркало — то самое, в рост, у стены напротив кровати. Проверяет макияж, хотя он почти не сбился. Я вижу её отражение и своё — на заднем плане, в расстёгнутой рубашке. Между нами всё ещё свисает тюлевый балдахин, отодвинутый в сторону.

Если бы кто-то сейчас заглянул в номер, мы бы выглядели как люди, только что закончившие деловую встречу. Ничего предосудительного. Чуть растрёпанные волосы, расправленная юбка, лёгкая усталость в глазах.

Она берёт сумку, бросает быстрый взгляд на кровать — так, будто проверяет, всё ли забрала. Я уже знаю: она ничего не забывает.

— Напишу, — говорит она.

— Хорошо, — отвечаю.

Мы выходим вместе, но в коридоре автоматически держим дистанцию. На ресепшине она чуть раньше подходит к стойке, протягивает ключ. Я задерживаюсь у входа, достаю телефон, делаю вид, что что-то проверяю. Это отработанный ритуал: не выходить вместе, не создавать даже видимость пары.

Снаружи — парковка, серый асфальт, машины, выстроившиеся в неровный ряд. Она идёт к своему автомобилю быстрым шагом. Я — к своему. На секунду наши взгляды пересекаются через пространство капотов и стекла.

Мы киваем друг другу, как едва знакомые люди, случайно встретившиеся у супермаркета.

Никаких поцелуев, объятий, задержанных рук. Только короткий, почти деловой жест: «До связи». Можно было бы подумать, что мы коллеги, которые обсуждали проект в переговорной, а не трахались под порно час в дешёвой гостинице.

Я сажусь в машину, завожу двигатель. В зеркале заднего вида вижу, как её автомобиль выезжает со стоянки, включив поворотник. Она сливается с потоком, и через минуту я уже не могу отличить её машину от десятка других.

Через полчаса я уже дома.

Квартира встречает тишиной и знакомым порядком. Кухня аккуратна, в раковине пусто. На подоконнике — чашка, которую я не успел помыть и теперь мысленно отмечаю как нарушение собственного режима.

Я иду в ванную и включаю воду.

Сегодня я моюсь дольше, чем обычно. Не в том профессиональном смысле, когда смываешь с себя дневные истории клиентов. Скорее — как будто пытаюсь снять с кожи тонкую, невидимую плёнку.

Вода горячая, почти обжигающая. Я стою под струёй, пока плечи не начинают покалывать. Мою голову дважды, хотя не чувствую особой необходимости. Провожу мочалкой по груди, животу, бёдрам — тщательно, с избыточной педантичностью.

Где-то в глубине есть ощущение, что я очищаюсь не от секса как такового, а от чего-то, что прилипло к нему.

От чужих стонов на экране, от отражения в зеркале, от вида собственных рук на её теле. От того, как легко я согласился смотреть порно, которое ещё несколько лет назад считал «не про себя». От того, что мне понравилось не только то, что мы делали, но и то, что кто-то делал на экране.

Я вспоминаю, как сегодня на лекции говорил студентам о том, что «чувства — не преступление» и что «вы не отвечаете за то, что у вас шевелится внутри при виде чужой истории». И ловлю себя на странном желании: применить эту же фразу к себе.

«Мне можно возбуждаться от того, что я вижу на экране. Это не делает меня хуже».

Я знаю, что это правда. И всё равно моюсь так, будто пытаюсь отмыть не тело, а сам факт этого возбуждения.

В какой-то момент я выключаю воду и стою в душе, слушая, как капли ещё стекают по стенам. Воздух наполнен паром, зеркало затянато. На секунду ванная становится похожей на ту, где Марго шептала своё новое имя. Я отгоняю эту ассоциацию — не сейчас.

Вытираюсь медленно, машинально. Надеваю домашние штаны, футболку. На кухне наливаю себе воду, выпиваю залпом. В квартире тихо. Слишком тихо, как всегда после длинного дня и короткой, выверенной встречи.

Я устраиваюсь на диване, на ритуальные свои «пять минут». Под головой — подушка, в стороне — телефон, экран погашен. Я знаю, что она не напишет сегодня: у нас негласное правило не перегружать друг друга сообщениями. Всё главное уже произошло.

Глаза закрываются быстрее, чем я успеваю заметить. Тело благодарно сдаётся короткому провалу.

Мне снова снится город.

Тот же, что в прошлый раз: узкие улицы, выгоревшие стены, низкие дома с плоскими крышами. Но что-то изменилось. Воздух тяжелее. Солнце ниже. Тени гуще.

Я иду по той же улице, где уже был. Детали знакомы: старик у стены, мальчишка с тряпичным мячом, женщина на балконе, встряхивающая простыню. Но теперь ткань, которую она держит, не просто белая. По краю — узкий кружевной орнамент, как на старинном белье. Простыня кажется не просто выстиранной, а почти интимной.

Запах тоже другой. Тогда было сухо, как в печке. Сейчас в воздухе слышится что-то ещё: прелая ткань, пот, специи. Как будто кто-то сушил здесь не только бельё, но и тела.

Я поворачиваю в боковой переулок. Здесь тесно, стены почти сходятся, оставляя полоску неба. Окна приоткрыты. За одними — смех, за другими — сдавленный шёпот. Где-то хлопает дверь.

Я чувствую, как улица насыщена чем-то, о чём обычно не говорят. Это не романтика, не любовь. Скорее — постоянное, фоновое возбуждение живых существ, которые вынуждены жить слишком близко друг к другу.

За деревянной дверью слева слышится ритмичный скрип. Доски стонут в такт чьим-то движениям. В щели между косяком и дверью пробивается полоска света. Я знаю этот звук: так скрипит кровать, когда кто-то пытается не шуметь — и всё равно выдаёт себя.

Если бы это был рассказ клиента, я бы отнёсся к нему как к факту биографии. Сейчас же я стою на улице чужого сна и не могу не прислушиваться.

Скрип стихает. Слышен приглушённый женский смешок. Потом — мужской вздох. Я иду дальше, словно ничего не произошло, но тело чуть откликается — где-то внизу живота.

За следующим окном — другой звук. Кто-то шлёпает по ткани, будто выбивает ковёр. Потом понимаешь: это не ковёр. Кожа. Удары не сильные, но частые. В паузах — короткие «ах», которые то ли стон, то ли выдох.

Я по инерции пытаюсь «диагностировать»: игра это, насилие, ритуал? Но во сне инструментов диагностики меньше. Остаётся только ощущение: здесь сейчас кому-то больно и хорошо одновременно. И это их язык.

Дальше — маленький внутренний дворик. В центре — низкий каменный бортик, что-то вроде колодца или декоративного основания. На нём сидит девушка, босиком, в длинной рубахе. Ткань задралась до колен, обнажая голени. Она перебирает ногами в пыли, смотрит куда-то поверх крыш.

Я знаю — точнее, чувствую — она ждёт кого-то. Не меня. Кого-то другого.

В проёме двери напротив появляется мужчина. Он делает ей знак. Она встаёт, идёт к нему, не опуская взгляд. На миг их силуэты пересекаются с линией света из окна наверху, и её рубаха кажется почти прозрачной.

Я остаюсь во дворе один. Но ощущение присутствия в этих сценах — слишком явное. Я не участник, но и не просто наблюдатель. Скорее — тень, которой почему-то можно всё видеть.

В дальнем углу двора натянута верёвка. На ней сушится бельё: простыни, рубахи, мужские штаны. Среди них — что-то тонкое, почти невесомое. Я подхожу ближе. Это тюль.

Тот самый рисунок по краю, что я видел на простыне у женщины на балконе. Ткань колыхнется от лёгкого ветра, задевая мне плечо. Прикосновение почти реальное — прохладное, щекочущее.

Я поднимаю голову, и на секунду мне кажется, что тюль свисает не только на верёвке, но и где-то сверху, над всем этим двором. Как балдахин, натянутый над целым кварталом.

Под этим балдахином — люди, которые делают вид, что заняты делами: кто-то чистит рыбу, кто-то ссорится, кто-то торгуется. Но между делом они касаются друг друга чуть дольше, чем положено. Задерживают взгляд. Шепчут не только о цене товара.

Меня накрывает странное чувство: будто весь этот город живёт в режиме постоянного, приглушённого возбуждения. Не праздника, не оргии — а именно тихой, повседневной похоти, вплетённой в бытовой шум. Как если бы в каждом дне обязательно была щёлка, через которую просачивается то, что называют «неприличным».

Я делаю шаг назад, и тюль снова касается моего лица. Запах ткани неожиданно знаком: смесь порошка, пыли и чего-то ещё. Я понимаю, что уже чувствовал его — в гостинице, когда наклонялся к балдахину. И ещё где-то раньше, давно.

— Ты всегда здесь был, — говорит чей-то голос у меня за спиной.

Я оборачиваюсь.

Передо мной стоит мужчина. Лицо неясное, как в плохом фокусе, но глаза — очень чёткие. В них нет ни укора, ни участия. Скорее — лёгкое узнавание, как у коллеги на конференции. Он выглядит так, будто просто продолжает давно начатый разговор.

— Ты же знаешь, — продолжает он спокойно, — что всё, что ты слышишь в своём кабинете, уже было здесь. Много раз. Ты просто смотришь на повтор.

Я хочу что-то сказать — спросить, кто он, откуда это знает, причём здесь я. Но губы не слушаются. Во сне иногда так: тело чуть отстаёт от мысли.

— Ты думал, что ты снаружи, — мужчина чуть улыбается. — Но ты всегда был под этим тюлем.

Он кивает куда-то вверх. От этой фразы внутри что-то проваливается, как в лифте. Я поднимаю голову. Над нами — всё тот же полупрозрачный купол ткани, закрывающий небо. Свет проходит сквозь него, делая воздух мутноватым, как в дешёвом мотеле.

Я моргаю — и вижу уже не каменные стены, а бордовые обои гостиничного номера. Вместо белья на верёвке — балдахин вокруг кровати. Вместо двора — прямоугольник комнаты. Тени двигаются по стенам так же, как и двигались по стенам того двора.

Я пытаюсь отойти, но ощущаю под руками не камень, а знакомую, слишком мягкую поверхность матраса.

В этот момент я просыпаюсь.

Потолок над головой — обычный, белый, без зеркал. В комнате темно, только полоска уличного света пробивается сквозь настоящий тюль на окне. Он чуть шевелится от движения воздуха.

В горле сухо. Я сажусь, провожу руками по лицу. Сердце бьётся чаще, чем следовало бы после дневного сна. В комнате пахнет не тканью, не пылью, а моей собственной кожей и слабым запахом геля для душа. Но где-то на границе восприятия всё ещё стоит тот самый привкус — нагретой ткани и чьих-то тел.

Я смотрю на окно. Тюль кажется безобидным, обычным. Но мысленно я уже записываю: «Сон. Город. Переулок, звуки секса за дверями, девушка в рубаше, тюль над двором. Фраза: «Ты всегда был под этим тюлем». Вопрос: сколько во мне самого из этих сцен, а сколько — профессиональной деформации?»

Я кладу блокнот на стол, ложусь обратно и какое-то время смотрю в потолок.

Где-то в глубине уже шевелится мысль, от которой я пока отмахиваюсь: если бы это рассказал мне знакомый, я бы посоветовал ему найти себе психоаналитика.

Я закрываю глаза. На тюле у окна играет свет фар проезжающей машины. На секунду кажется, что это чей-то силуэт. В этот момент телефон завибрировал. Я вздрогнул, словно от толчка, который окончательно вернул меня в этот мир.

Глава 7

Я всё ещё смотрю на светящийся экран телефона, словно решая, стоит ли вообще открывать сообщение.

На экране — незнакомый номер. Точнее, номер знакомый, но я его не сохранял. Клиенты, которые пишут между сессиями, лежат у меня в памяти телефона без имён — ещё одна иллюзия границы.

«Здравствуйте, Илья. Это Марго. Я не знаю, можно ли писать вам вот так, но после разговора я опять стала Марго в ванной. Закрыла дверь, включила воду, зеркало запотело. Только в этот раз я представляла, что в дверях стоите не выдуманый мужчина, а вы.

Я знаю, что это неправильно. Но я не могу это выкинуть. Я думала, как вы смотрели бы на меня, если бы знали, что я сейчас делаю с собой. И от этой мысли мне стало ещё ... сильнее.

Вы же говорили, что фантазии можно приносить в кабинет. Я приношу. Просто пока вот так.»

Текст обрывался на «вот так». Я невольно отметил: без смайликов, без «ха-ха», без попытки сгладить сказанное шуткой. Слишком взрослое, слишком прямое письмо для «я не знаю, можно ли».

Я чувствовал, как внизу живота отзывается короткий, узнаваемый импульс. Не тот, как в гостинице, когда тело уже знает, что сейчас будет. Другой: плотный, вязкий, замешанный на ощущении нарушения.

Клиенты иногда путают границы. Это не редкость. Кто-то пишет в два часа ночи про суицидальные мысли. Кто-то присылает фотографию шрама. Кто-то — стихи. Кто-то — эротические фантазии, в которых терапевт отыгрывает роль идеального партнёра.

В учебниках это называется «эротизированный перенос». В реальности это сообщение от живого человека, от которого у тебя ёкает, хотя ты знаешь, как это называется и как «правильно реагировать».

Я сделал вдох, выждал пару секунд, чтобы пальцы не опережали голову, и набрал ответ: «Здравствуйте, Марго. Спасибо, что написали. Вы можете приносить в работу и такие фантазии тоже. Давайте зафиксируем: что именно вы представляли, что чувствовали в теле, какие мысли о себе возникали — и обсудим это на сессии. Важно, чтобы это пространство оставалось именно терапевтическим.»

Я перечитал, добавил «И.» в конце и стёр.

Отправил.

Внутри коротко кольнуло: я написал «важно, чтобы это пространство оставалось терапевтическим», и в этот момент очень ясно понимал, что меня задело не только как специалиста. Я тоже стал частью её ванной.

Я положил телефон на стол, взял блокнот, открыл чистую страницу.

«Марго. Сообщение после сессии. Фантазия с моим участием (ванная). Явный эротизированный перенос. Моя реакция: лёгкое возбуждение, интерес, тревога. Граница: держу её в словах, но фантазия всё равно попала внутрь.»

Ниже, другой строкой:

«Завтра первая встреча с её мужем. Посмотреть, что он принесёт в кабинет: рационализации? агрессию? отрицание? Или неожиданную честность?»

Я закрыл блокнот.

День только начался, а внутри уже было ощущение липкости: сон, сообщение от Марго, гостиница, которую тело ещё помнило. Всё это наслаивалось друг на друга, как кадры, случайно попавшие в одну плёнку.

Мне нужно было выйти из дома.

Я шёл по улице без особой цели, просто чтобы сменить воздух. Город как всегда: асфальт, машины, люди, светофоры — всё до смешного обычное. После сна и письма это «обычное» казалось декорацией, натянутой поверх чего-то другого.

На углу я заметил маленькое кафе, в которое раньше не заходил. Стеклянная дверь, пара столиков, мягкий свет.

Я вошёл.

Внутри оказалось теплее, чем нужно. Пахло кофе, чем-то сладко-ванильным. В кафе было пусто. Я выбрал место у стены, так, чтобы видеть зал.

За соседним столиком сидела пара. Девушка — в светлом свитере, с высоко собранными волосами, тонкая шея. Парень — худой, в тёмной рубашке, рукава закатаны до локтей. Между ними — две чашки, недоеденный кусок чизкейка, телефоны.

Официантка подошла к ним с подносом. Молодая, в белой рубашке на пуговицах с логотипом кафе, фартук на бёдрах, волосы собраны в хвост. Ничего особенного. Обычная сцена обычного дня.

Она наклонилась, ставя стакан ближе к девушке, и её рука на секунду коснулась плеча парня. Случайно? Привычная небрежность? Я не успел зафиксировать. Но он чуть дёрнулся, как человек, который не ожидал прикосновения и не знает, как на него реагировать.

Девушка этого не заметила. Она что-то писала в телефоне, чуть нахмурившись.

Официантка выпрямилась и на секунду задержала взгляд на парне. Совсем ненадолго. Не киношный томный взгляд, а быстрый, оценивающий, с лёгкой улыбкой в один угол рта.

Кадр встал в голове: её рука на его плече, его лёгкий, произвольный отклик, невидимость этого жеста для девушки напротив.

Я отвёл взгляд в сторону, попытался сосредоточиться на меню. Бесполезно. В голове уже крутился не список блюд, а город из сна.

Тот, где за каждой дверью кто-то шептался, стонал, ругался, а с улицы всё выглядело прилично: дети на улицах, женщины с корзинами, мужчины, опершиеся о стены. Там тоже никто не держал табличку «опасен» или «извращенец». Все были «как все» — пока не прислушаешься к тому, что происходит за досками и занавесками.

Здесь, в этом кафе, всё выглядело так же прилично. Девушка в свитере, парень в рубашке, официантка в форме. Стандартный дневной антураж. Но в этом случайном касании было слишком много того, что обычно прячут: рука, задержавшаяся на долю секунды дольше; его микродвижение навстречу; её короткий, чуть более тёплый взгляд.

Я поймал себя на том, что пытаюсь «диагностировать» этот жест так же, как делал бы в кабинете: флирт? проверка границ? бессознательный тест — «заметит ли кто-нибудь, что я хочу прикоснуться»?

Снаружи это всего лишь рука на плече. Внутри — маленькая трещина в фасаде «мы просто пьём кофе». И меня задело именно это: как легко под спокойной картинкой вспыхивает что-то, о чём потом будут говорить в кабинете шёпотом, называя это «неприличным».

Я опять повернулся в их сторону.

Тот же столик. Те же трое.

Официантка рядом, ближе, чем нужно для работы. Её рука снова ложится ему на плечо, чуть дольше, чем положено. Пуговицы на ее рубашке расстёгнуты больше, чем требует приличие. Она наклоняется к нему ниже, так, что грудь оказывается практически напротив его лица. Девушка это видит. На лице — не ревность, не злость, а что-то более сложное: интерес и ожидание.

Дальше всё ускоряется.

В моей голове кафе чуть темнеет, столы отодвигаются сами собой, остаётся только этот островок — стол, трое людей, мягкий свет сверху.

В какой-то момент границы стираются: кто к кому тянется первым, уже неважно. Их тела начинают двигаться так, как я недавно видел на экране в гостинице: ближе, теснее, жаднее. Только здесь нет камеры, нет режиссёра. Есть только руки, которые находят чужую кожу, и рты, которые перестают подбирать слова.

Тела по очереди оказываются на столе, руки и рты меняют адресатов в бесконечном потоке прикосновений.

И в этой сцене вдруг появляется ещё одна фигура — я.

Не герой, не режиссёр — просто ещё одна пара рук, которая вплетается в общий рисунок движений.

Это происходит без особого решения. В следующем кадре я уже стою рядом, слишком близко, чтобы оставаться наблюдателем.

Моя рука находит её тёплую кожу, чуть выше подола фартука; под пальцами — едва заметная дрожь. Где-то на краю сознания вспыхивает: «так нельзя», но тело проходит мимо этой таблички, как мимо выключенного светфора.

Она медленно скользит ниже, вторая ложится на стол, выгибаясь навстречу чужим рукам и его телу. Всё происходит так естественно, будто я действительно был здесь всё это время.

Девушка поворачивает голову, смотрит на меня так, как Марго, что уходя, спросила: «Вы точно выдержите?».

Официантка улыбается — в её улыбке нет ни капли смущения, только азарт. Она опускается на колени, вторая девушка ложится на стол, как немой жест-приглашение: «делайте».

Картинка дрожит. Тело откликается быстрее, чем я успеваю поставить внутренний стоп-кадр. Я ощущаю, как под ремнём начинает тупо пульсировать, как сильно я сжал пальцы на собственном колене.

— Вы что-нибудь будете заказывать? — голос прорезает сцену, как нож.

Я моргаю.

Передо мной — реальная официантка. Та самая, в белой застегнутой на все пуговицы рубашке и фартуке. За её спиной — та же пара за соседним столиком. Девушка снова уткнулась в телефон. Парень пьёт кофе, глядя в окно. Никто никого не трогает. Кафе снова сжалось до обычного размера. Столы на местах, одежда застёгнута, руки — на столе.

— Э... да, — говорю я чуть хрипло. — Эспрессо. Двойной.

— Хорошо, — кивает она и уходит.

Я делаю вид, что смотрю ей вслед просто так. На самом деле проверяю: а есть ли там, в походке, в движении плеч, хоть что-то от той сцены, которую только что видел? Ничего.

Я чувствую, как внизу живота всё ещё бешено пульсирует, словно пытаюсь вырваться наружу. Абсурдность ситуации бьёт по голове: вчера — секс в гостинице, душ, избыточная чистота, и вот я сижу в кафе и готов кончить от собственной фантазии о трёх незнакомых людях, которые мирно сидят в кафе.

Я поднимаюсь из-за стола слишком резко. Стул чуть скрипит. Иду к туалету, стараясь не смотреть по сторонам. В зеркале, в узком коридоре, мелькает моё лицо — чуть бледнее, чем обычно, глаза темнее.

Кабинка пустая. Щеколда закрывается с лёгким щелчком. Я опираюсь руками о дверцу, на секунду закрываю глаза. Картинка сама возвращается: моя рука на её бедре, чужие губы, которые вдруг оказываются рядом.

Я не пытаюсь её останавливать.

Тело делает то, что привыкло делать с подросткового возраста: ищет разрядку, когда внутри слишком много. Я слышу собственное дыхание, глухое эхо в тесном пространстве, далёкие звуки из зала. В какой-то момент всё сжимается в одну точку — и распадается.

Я стою, держась за дверцу, пока дыхание не выравнивается. В голове пусто. Потом на это место приходит знакомое тупое удивление.

«Серьёзно? Ты только что трахался в гостинице, а теперь дочишь в туалете из-за сцены, которую сам придумал, глядя на людей, которые пьют кофе?».

Я вытираю руки и себя. Потом открываю кран, мою руки дольше, чем нужно. Лицо — тоже, холодной водой. Смотрю на себя в зеркало. На вид — тот же мужчина сорока лет в аккуратной рубашке. Внутри — как будто кто-то подкрутил громкость на невидимом пульте.

Возвращаюсь к столу. Эспрессо уже стоит, чуть остывший. Я сажусь, делаю глоток. Кофе горчит.

Достаю блокнот. Пишу:

«Кафе. Пара за соседним столом, официантка. Короткий жест → навязчивая сцена втроём → я в роли участника → подвигло на мастурбацию в туалете сразу после встречи с любовницей. Триггеры: рука на плече, невидимость жеста для третьего. Вопрос: это просто накопившееся возбуждение или сдвиг границ?»

Я кладу ручку. На секунду возникает очень простая мысль:

«Если бы это рассказал знакомый, я бы спросил, не пора ли ему искать себе психоаналитика.»

Я дописываю это же внизу, маленькими буквами:

«Если бы это был не я, порекомендовал бы анализ.»

И чувствую, как от самой формулировки внутри что-то неприятно возмутилось.

Я вышел из кафе и поймал себя на том, что иду быстрее, чем нужно. Воздух казался плотнее, чем полчаса назад. Машины, люди, витрины — всё то же самое, но взгляд цеплялся не за вывески, а за мелочи.

Женщина на пешеходном переходе поправляет ремешок сумки у груди — рука проходит чуть ближе к вырезу, чем требуется. Мужчина в деловом костюме на долю секунды задерживает ладонь на талии коллеги, пропуская её вперёд в дверь офиса. Подростки у витрины кафе толкают друг друга, и один из них смеётся слишком громко, отступая назад, почти прижимаясь к плечу другого.

Город вдруг напоминал тот сонный: под тюлем приличия мелькали маленькие, почти невидимые жесты, которые в кабинете потом будут называть «неудержимым влечением» или «неловким моментом». Я шёл и ловил эти полунамёки, как магнитом.

И в какой-то момент понял, что мне это уже не только интересно, но и неприятно. Как будто кто-то включил мне режим постоянного просмотра, а кнопки «выключить» не предусмотрено.

Я достал телефон, пролистал контакты. Пальцы сами остановились на имени: «Влад психоаналитик». Мы знакомы вечность; он ещё застал меня интерном, когда сам уже вёл супервизии. Единственный человек, которому я иногда позволял говорить обо мне напрямую.

Я нажал «вызов».

— Ну, — отозвался он после второго гудка, — если ты звонишь днём, значит, либо мир рушится, либо ты наконец решил, что ты тоже человек.

— Пока мир держится, — сказал я. — Но что-то в нём не так.

Он усмехнулся.

— Что случилось?

Я помолчал секунду, подбирая формулировку, которая не звучала бы как анекдот.

— Условно: я только что трахался в гостинице, потом дочишь в туалете кафе на фантазию про трёх незнакомых людей, а теперь иду по улице и вижу секс в каждом жесте. И мне это уже не кажется просто профессиональной деформацией.

На том конце повисла короткая пауза.

— Красиво живёшь, — хмыкнул Влад. — А если без романтики?

— Без романтики: я всё хуже различаю границу между тем, что мне рассказывают, что мне снится и что происходит у меня в голове, когда я смотрю на людей. А сегодня к этой картинке добавился я... как участник.

— Ты когда последний раз был в собственной терапии? — спросил он так, будто знал ответ заранее.

Я вздохнул.

— Давно. После развода несколько раз. Потом загрузка выросла, и... — я пожал плечами, хотя он этого не видел, — потом как-то не до того. Знаешь это «я же сам терапевт, у меня всё под контролем»?

— Знаю, — сказал он. — Это самая тяжёлая форма самообмана. Ты сейчас звонишь зачем? За успокоением, что «со всеми бывает», или за направлением?

— За честным ответом, — сказал я. — Тебе, как человеку, который видел меня в разных состояниях: я просто перегорел и компенсирую, или я правда еду крышей?

Он помолчал чуть дольше.

— Если бы это рассказывал мне твой клиент, я бы сказал: пора на анализ. Ты слишком много смотришь на чужие бездны и начинаешь туда проваливаться сам. Твой наблюдатель перестаёт быть над, он стал ещё одним жителем города. И да, мастурбация в туалете — не трагедия. Но если это новая норма, а не редкость — это уже симптом.

— Приятно слышать, — пробормотал я.

— Ты сам знаешь, — продолжил он. — Я диагнозов по телефону не ставлю. Но я вижу одно: ты давно перестал относиться к своему «я» как к рабочему инструменту. Ты делаешь вид, что у тебя его нет. Терапевт-призрак.

Я усмехнулся. Определение было неприятно точным.

— Может начнешь, пока не поздно? — спросил Влад

— У меня через месяц конференция, — ответил я. — Готовлю большой доклад про пограничные вещи, мне сейчас нельзя отвлекаться.

— Ну смотри, как решишься, звони. Подумаю, кого тебе посоветовать из аналитиков. Не из наших, не из тех, с кем ты пил, и не из тех, кому ты читал лекции.

— Спасибо, — сказал я.

— И да, — добавил он, — если вдруг решишь, что хочешь не только рекомендации, но и пару разговоров до того, как ляжешь на кушетку, — звони раньше, чем в следующий раз будешь дрочить в общественном месте. Это хотя бы дешевле.

Я невольно рассмеялся. Смех прозвучал громче, чем я рассчитывал. Пара прохожих обернулись. Я попрощался, убрал телефон.

Город вокруг всё ещё был тем же. Но теперь в этой липкой смеси из жестов, взглядов и собственных фантазий появилась хотя бы одна опора: признание, что это — уже не только про клиентов.

Глава 8

Он пришёл чуть раньше назначенного времени.

Он протянул руку.

— Здравствуйте, Илья, — голос спокойный, без нажима. — Спасибо, что приняли меня.

Рука — тёплая, сухая, рукопожатие уверенное, но без демонстративной силы. Рост средний, фигура подтянутая, возраст — примерно мой. Синий пиджак, светлая рубашка, часы без вычурности, но дорогие. Лицо то самое, которое легко представить на корпоративных фотографиях: «Сергей, руководитель отдела» — человек, про которого обычно говорят «надёжный».

Сергей сел напротив, откинувшись на спинку, нога на ногу, ладони на подлокотниках. Поза человека, который привык контролировать пространство.

Я коротко напомнил рамки: конфиденциальность, право не отвечать, возможность говорить о том, что обычно «не для чужих ушей».

— Сергей, — начал я, — Марго уже была у меня на сессии. Она сказала, что вы готовы к совместной работе. Как вы к этому относитесь?

Он чуть пожал плечами.

— Нормально отношусь, — сказал он. — Если ей это важно. Я не очень понимаю, чем разговоры могут помочь... ну... тому, о чём она говорит. Но я готов выслушать.

Интонация была очень знакомой. Я слышал её десятки раз от партнёров своих клиентов: «У меня, в общем, всё в порядке, но раз ей плохо, давайте посмотрим, что можно сделать с ней и её страданиями».

— Марго много говорила о том, как она переживает отсутствие близости, — сказал я. — Как вы сами описали бы то, что происходит между вами в этой сфере?

Он чуть сдвинул подбородок, как человек, который собирался говорить честно, но экономно.

— Происходит то, что я... не чувствую потребности, — сказал он. — В сексе. В таком, как... раньше. — Он поискал взглядом слова. — Я знаю, что это доставляет ей боль. И от этого мне... неприятно. Но от того, что мы будем долго об этом говорить, желание у меня не появится.

Сказано было ровно, почти как отчёт. В этой спокойной констатации было больше заморозки, чем в любом крике.

— «Не чувствую потребности» — с какого времени? — уточнил я.

Он чуть нахмурился.

— Постепенно, — сказал он. — Сначала просто стало меньше. Работа, проекты, дела. Я часто задерживался в офисе, приходил домой поздно. Хотелось... — он чуть усмехнулся, — тишины и не думать ни о чём. Потом усталость стала... постоянной. Сон по три-четыре часа. Секс стал чем-то, что требует усилия. Ещё одной задачи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.